

Василий Осипович Ключевский

Александр I

*Часть сборника
Исторические портреты*

Василий Осипович Ключевский

Александр I

Серия «Исторические портреты»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176699
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8

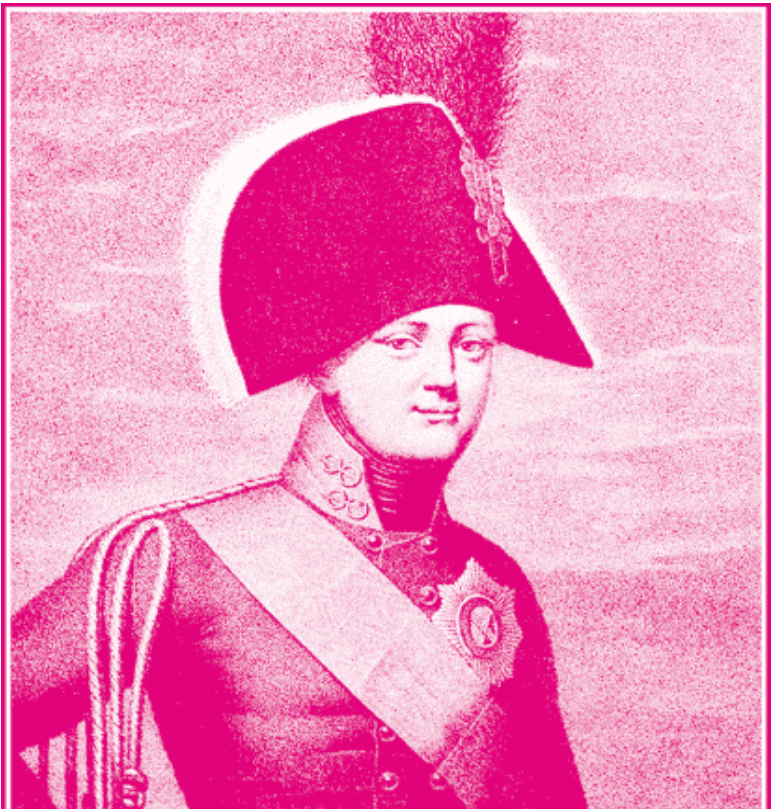
Аннотация

«Александр, преемник императора Павла, вступил на престол с более широкой программой и осуществлял ее обдуманнее и последовательнее предшественника. Я указывал на два основных стремления, которые составляли содержание внутренней политики России с начала XIX столетия: это уравнение сословий перед законом и введение их в совместно дружную государственную деятельность. Это были основные задачи эпохи, но они осложнялись другими стремлениями, которые были необходимой подготовкой к их разрешению либо неизбежно вытекали из их разрешения. Уравнение сословий перед законом, естественно, изменяло самые основания законодательства; таким образом, возникала потребность в кодификации с целью привести в согласие различные узаконения, прежние и новые...»

Василий Осипович Ключевский

Александр I

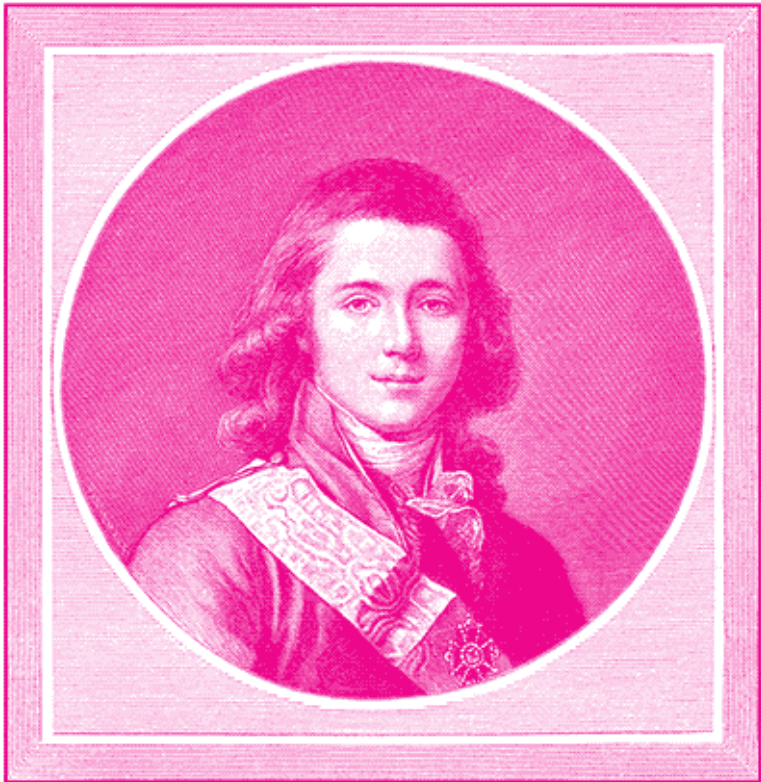

Император Александр I

Царствование. Александр, преемник императора Павла, вступил на престол с более широкой программой и осуществлял ее обдуманнее и последовательнее предшественника. Я указывал на два основных стремления, которые составляли содержание внутренней политики России с начала XIX столетия: это уравнение сословий перед законом и введение их в совместно дружную государственную деятельность. Это были основные задачи эпохи, но они осложнялись другими стремлениями, которые были необходимой подготовкой к их разрешению либо неизбежно вытекали из их разрешения. Уравнение сословий перед законом, естественно, изменяло самые основания законодательства; таким образом, возникала потребность в кодификации с целью привести в согласие различные узаконения, прежние и новые.

Далее, перестройка государственного порядка на правовых уравнивательных началах требовала подъема образовательного уровня народа, а между тем осторожное, частичное ведение этой перестройки вызывало двойное недовольство в обществе: одни были недовольны тем, что разрушается старое; другие были недовольны тем, что слишком медленно вводится новое. Отсюда представлялась правительству необходимость руководить общественным мнением, сдерживать его справа и слева, направлять, воспитывать умы. Никогда цензура и народное образование не входили так тесно в об-

щие преобразовательные планы правительства, как в истекшем [XVIII] столетии. Наконец, ряд войн и внутренних реформ, изменяя вместе с внешним, международным положением государства и внутренний, социальный склад общества, колебал государственное хозяйство, расстраивал финансы, заставлял напрягать платежные силы народа и поднимать государственное благоустройство, понижал народное благосостояние. Вот ряд явлений, которые приплетались к основным фактам нашей жизни в течение первой половины века. Основные вопросы времени: социально-политический, состоявший в установлении новых отношений между общественными классами, в устройстве общества и управления с участием общества; к нему – вопрос кодификационный, состоявший в упорядочении нового законодательства; вопрос педагогический, состоявший в руководстве, направлении и воспитании умов; и, наконец, вопрос финансовый, состоявший в новом устройстве государственного хозяйства.

Великий князь Александр Павлович в юности. *С портрета Лампи*

Воспитание. Император Александр I поставил на очередь и смело приступил к разрешению всех этих задач. В приемах этого разрешения принимали большое участие, во-

первых, политические идеи, которые были им усвоены, и, во-вторых, практические соображения, политические взгляды на положение России, которые сложились в нем из личных опытов и наблюдений. Те и другие – и политические идеи и личные взгляды – были тесно связаны с воспитанием, какое получил этот император, и с его характером, какой образовался под влиянием его воспитания. Вот почему воспитание Александра I, как и характер его, получают значение важных факторов в истории нашей государственной жизни. А потом, мне думается, что личность Александра I имела не одно местное значение: он был показателем общего момента, пережитого всей Европой. Александр стоял на рубеже двух веков, резко между собой различавшихся.

XVIII столетие было веком свободных идей, разрешившихся крупнейшею революцией. XIX век, по крайней мере в первой своей половине, был эпохой реакций, разрешавшихся торжеством свободных идей. Эти переливы настроений должны были создавать своеобразные типы. Мы их знаем в литературных художественных произведениях.

Император Александр I сам по себе, не по общественному положению, по своему природному качеству был человек средней величины, не выше и не ниже общего уровня. Ему пришлось испытать на себе влияние обоих веков, так недружелюбно встретившихся и разошедшихся. Но он был человек более восприимчивый, чем деятельный, и потому воспринимал впечатления времени с наименьшим прелом-

лением. Притом это было лицо историческое, действительное, не художественный образ. И, как сказать, может быть, следя за воспитанием Александра I и кладкой его характера, мы кое-что уясним себе в вопросе, каким образом европейским миром поочередно могли распоряжаться такие контрасты, как Наполеон, игравший в реакционном эпилоге революции роль хохочущего Мефистофеля, и тот же Александр, которому досталось амплуа романтически-мечтательного и байронически-разочарованного Гамлета.

Наблюдая Александра I, мы наблюдаем целую эпоху не русской только, но и европейской истории, потому что трудно найти другое историческое лицо, на котором бы встретилось столько разнообразных культурных влияний тогдашней Европы.

Я не разделяю довольно распространенного мнения, будто Александр, благодаря хлопотам бабушки, получил хорошее воспитание; он был воспитан хлопотливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слишком хлопотливо.

Александр родился 12 декабря 1777 г., от второго брака великого князя Павла с Марией Федоровной, принцессой Вюртембергской. Рано, слишком рано бабушка оторвала его от семьи, матери, чтобы воспитать его в правилах тогдашней философской педагогики, т. е. по законам разума и природы, в принципах разумной и натуральной добродетели. Локк – высший авторитет, «Эмиль» Руссо был тогда привилегированным учебником такой педагогики; оба требовали, чтобы

воспитание давало человеку крепкий закал против физических и житейских невзгод. Когда великий князь и следовавший за ним брат Константин стали подрастать, бабушка составила философский план их воспитания и подобрала штат воспитателей.

Главным наставником, воспитателем политической мысли великих князей был избран полковник Лагарп, швейцарский республиканец, восторженный, хотя и осторожный поклонник отвлеченных идей французской просветительной философии, ходячая и очень говорливая либеральная книжка. Учить великого князя русскому языку и истории, также нравственной философии был приглашен Михаил Никитич Муравьев, весьма образованный человек и очень недурной писатель в либерально-политическом и сантиментально-дидактическом направлении. Наконец, общий надзор за поведением и за здоровьем великих князей был поручен генерал-аншефу графу Н. И. Салтыкову, не блестящему, но типичному вельможе екатерининской школы, который твердо знал одно: как жить при дворе; делал, что говорила жена, подписывал, что подавал секретарь. Впрочем, его настоящей партитурой в этом педагогическом оркестре, по выражению Массона, было «предохранять великих князей от сквозного ветра и засорения желудка». Лагарп, по его собственному признанию, принялся за свою задачу очень серьезно как педагог, сознающий свои обязанности по отношению к великому народу, которому готовил властителя. Он начал читать

и в духе своих республиканских убеждений объяснять великим князьям латинских и греческих классиков – Демосфена, Плутарха и Тацита, английских и французских историков и философов – Локка, Гиббона, Мабли, Руссо.

Во всем, что он говорил и читал своим питомцам, шла речь о могуществе разума, благе человечества, договорном происхождении государства, природном равенстве людей, справедливости, более и настойчивее всего – о природной свободе человека, нелепости и вреде деспотизма, гнусности рабства. Эти явления рассматривались не как исторические факты или практические возможности, а одни – как требования разума и заповеди философского катехизиса, другие – как глупости, невежества и преступления деспотизма. [Лагарп] не разъяснял ход и строй человеческой жизни, а подбирал подходящие явления, полемизировал с исторической действительностью, которую учил не понимать, а только презирать.

Добрый и умный Муравьев подливал масла в огонь, читая детям как образцы слога свои собственные идиллии о любви к человечеству, закону, свободе мысли и заставлял их переводить на русский язык тех же Руссо, Гиббона, Мабли и т. д. Заметьте, что все это говорилось и читалось будущему русскому самодержцу в возрасте от 10 до 14 лет, т. е. немного преждевременно. В эти лета, когда люди живут непосредственными впечатлениями и инстинктами, отвлеченные идеи обыкновенно облекаются у них в образы,

а политические и социальные принципы перерождаются в чувства и становятся верованиями. Преподавание Лагарпа и Муравьева не давало ни точного научного реального знания, ни логической выправки ума, ни даже привычки к умственной работе; оно не вводило в окружающую действительность и не могло еще возбуждать и направлять серьезную мысль. Высокие идеи воспринимались 12-летним политиком и моралистом как политические и моральные сказки, наполнявшие детское воображение не детскими образами и волновавшие его незрелое сердце очень взрослыми чувствами.

Если ко всему этому прибавить еще графа Салтыкова с его доморощенным курсом салонных манер и придворной гигиены, то легко заметить пробел, какой был допущен в воспитании великого князя. Его учили, как чувствовать и держать себя, но не учили думать и действовать; не задавали ни научных, ни житейских вопросов, которые бы он разрешал сам, ошибаясь и поправляясь. Ему на все давали готовые ответы – политические и нравственные догматы, которые не было нужды проверять и придумывать, а только оставалось затвердить и прочувствовать. Его не заставляли ломать голову, напрягаться, не воспитывали, а, как сухую губку, пропитывали дистиллированной политической и общечеловеческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли. Его не познакомили со школьным трудом, миниатюрными горячами и радостями, с тем трудом, который только, может быть, и дает школе воспитательное значение.

Преподавание Лагарпа было для Александра эстетическим наслаждением; но в записках одного из русских воспитателей великих князей – Протасова – мы встречаем не раз горькие жалобы на «праздность, медленность и лень» Александра, нелюбовь его к серьезным упражнениям, тому, что воспитатель называет «прочным умствованием». Когда великие князья начали подрастать настолько, чтобы понимать, а не чувствовать только идеи Лагарпа, они искренно привязались к идеалисту-республиканцу, с наслаждением слушали его уроки, с наслаждением – и только; то были художественные сеансы, а не умственная работа. Это большое несчастье, когда между учениками и учителем образуется отношение зрителей к артисту, когда урок наставника становится для питомцев развлечением, хотя и эстетическим.

Благодаря такому обильному приему политической и моральной идиллии, великий князь рано стал мечтать о сельском уединении, не мог без восторга пройти мимо полевого цветка или крестьянской избы, волновался при виде молодой бабы в нарядном платье. Он рано привык скользить по житейским явлениям тем легким взглядом, для которого жизнь есть приятное препровождение времени, а мир – обширный кабинет для эстетических опытов и упражнений. С годами это само собой бы исправилось, мечты сменились бы трезвыми наблюдениями, чувства, охладев, превратились бы в убеждения, но случилось так, что этот необходимый и полезный процесс был преждевременно прерван. Зная по опы-

ту, как добродетель, даже подмороженная философией, легко тает под палящими лучами страстей, императрица Екатерина поспешила застраховать от них сердце своего внука и женила его в 1793 г., когда ему еще не было 16 лет. Ничего нельзя сказать против брака, но все-таки прав фонвизинский Недоросль: чаще всего женитьба или замужество – конец учению, школьной подготовке к жизни с ее строгой наукой. Там пойдут другие чувства и интересы, завяжется другое мирозерцание, начнется другое, взрослое развитие, не похожее на прежнее, юношеское, и, если прежнее прервано преждевременно, это останется на всю жизнь невозвратимой потерей, неизгладимым, болезненным рубцом.

Фридрих-Цезарь Лагарп.

С гравированного портрета XIX в.

Греция и Рим, свобода, равенство, республика – какое же, спросите вы, в этом калейдоскопе героических образов и политических идеалов, какое место занимала в нем Россия с ее невзрачным прошлым и настоящим? Как в голове великого князя русская действительность укладывалась с тем, что проповедовал чувствительный республиканец и не менее чувствительный русский действительный статский советник Муравьев? А очень просто: ее, эту действительность, признавали как факт низшего порядка, неразумное стихийное явление, признавали и игнорировали ее, т. е. ничего больше о ней знать не хотели, как досужие вольтерьянцы екатерининской эпохи. Лагарп в этом отношении поступал, как старые девы-гувернантки, воспитывавшие наших барышень в былое время: воспитательница нарисует воспитаннице очаровательный мир благовоспитанных людских отношений, основанных на правилах строжайшей скромности и неумолимого приличия, по которым даже высунуть кончик башмака из-под платья считалось чуть ли не смертным грехопадением, и вдруг обе девы тут же в доме налетят на какую-нибудь самую натуральную русскую сцену, которая покажет им, как мужчины и женщины бранятся и толкаются, шумят и целуются. Юная устремит на старую испуганный взгляд, а та конфузливо начнет ее успокаивать: «Это так...

это ничего... это тебя не касается, забудь это, уйдем к себе».

С обильным запасом величавых античных образов и са-моновейших политических идей вступил Александр в дей-ствительную жизнь. Она встретила его как-то двусмысленно или двулично: он должен был вращаться между бабушкой и отцом, а это были не только два лица, а даже два особых мира. То были два двора, совсем не похожие один на дру-гой, между которыми расстояние нравственное было гораз-до больше географического.

Каждую пятницу великий князь отправлялся в Гатчину, чтобы присутствовать на субботнем параде, на котором он изучал жесткие, бесцеремонные казарменные нравы вместе с казарменным непечатным лексиконом. Здесь великий князь командовал одним из батальонов, а вечером возвращался в Петербург и являлся в ту залу Зимнего дворца, в которой Екатерина проводила свои вечера, окруженная избранным обществом: это был Эрмитаж. Здесь говорили только о са-мых важных политических делах, вели самые остроумные беседы, шутили самые изящные шутки, смотрели лучшие французские пьесы и грешные дела и чувства облекали в са-мые опрятные прикрытия. Вращаясь между двумя столь раз-личными дворами, Александр должен был жить на два ума, держать два парадных обличия, кроме третьего – буднично-го, домашнего, двойной прибор манер, чувств и мыслей. Как эта школа была непохожа на аудиторию Лагарпа!

Принужденный говорить, что нравилось другим, он при-

вык скрывать, что думал сам. Скрытность из необходимости превратилась в потребность. С воцарением отца эти затруднения сменились постоянными ежедневными тревогами: великий князь назначен был генерал-губернатором Петербурга и командиром гвардейского корпуса. Ни в чем не виноватый, он рано поселил к себе недоверие со стороны отца, должен был вместе с другими дрожать перед вспыльчивым государем. Это время, хотя и короткое, положило на характер Александра оттенок грусти, который не сходил с него в самые солнечные минуты его жизни.

Медаль на коронацию Александра I. *Снимок с подлинной медали*

Характер. Так воспитывался Александр. Надобно признаться, он шел к престолу не особенно гладкой тропой. С пеленок над ним перепробовали немало воспитательных

экспериментов. Его не вовремя оторвали от матери для опыта натурально-рационалистической педагогики. Из недоконченного Эмиля превратили в преждевременного политика и философа, едва начавшего развиваться студента, преобразили в незрелого семьянина, а тихое течение семейной жизни и недоконченные учебные занятия прерывали развлечениями легкого эрмитажного общества, а потом казарменными тревогами, гатчинской дисциплиной. Это все было или не вовремя, или не то, что было нужно.

Александрю вечно приходилось вращаться между двумя противоположными течениями, из коих ни одно не было ему попутным, стоять между двумя противоречиями, подвергаясь опасности стать третьим, попасть в разлад с самим собой. В детстве – между бабушкой и родителями, в ранней молодости – между отцом и матерью, в учебной комнате – между атеистом Лагарпом и ортодоксальным Самборским, несогласными наставниками, которые на нем, его сознании и совести разыгрывали вражду своих вкусов и убеждений. Наконец, на престоле – между конституционными идеалами и абсолютистскими привычками. Такие условия не могли выработать открытого характера. Его обвиняли в двоедушии, притворстве («северный Тальма», «византийский грек»), в наклонности казаться, а не быть. [Это] неточно. Александр не имел нужды притворно казаться тем, чем хотел быть; он только не хотел показаться тем, чем он был на самом деле. Притворство – порок, скрытность – недостаток, вроде глухо-

ты и т. п. Великому князю нужна была, прежде всего, привычка к деловому, терпеливому и настойчивому труду, больше всего – знакомство с той жизнью, которой он призван был со временем руководить. Ни тем, ни другим нельзя было заpastись ни в Эмилевой детской, ни в Лагарповой аудитории, ни в бабушкином салоне, ни на отцовском вахтпараде. Великого князя не научили даже родному языку, как следует. Один современник говорит, что он до конца жизни не мог вести по-русски обстоятельного разговора о каком-нибудь сложном деле. Даже все было сделано, чтобы затруднить великому князю знакомство с действительностью, которой он должен был управлять. Из воспитания своего великий князь вынес скрытность, внушавшую недоверие к нему, склонность казаться и не быть [самим собой], скрытое презрение к людям, круг политических идей и чувств, которые должны были наделать ему чрезвычайно много хлопот.

Еще в царствование Екатерины он признавался князю Чарторыйскому, что принимает сердечное участие во Французской революции. Он ненавидит деспотизм во всяком его проявлении, любит свободу, которая должна принадлежать всякому, наследственность власти он признает [как] несправедливое и нелепое установление, верховная власть должна быть вверяема не по случайности рождения, а по голосу нации, которая сумеет выбрать наиболее достойного управлять ею. Что мог сделать великий князь с обильным запасом таких ненужных идей и чувств? Эти идеи и чувства, [а] все-

го более – воспитание мешали развитию в нем чутья действительности, практического глазомера. Эти чутье и глазомер приобретаются путем упорного труда и продолжительной возни в той грязи, из которой состоит жизнь; а великий князь не приучен был ни упорно трудиться, ни самостоятельно работать, ни возиться в этой грязи. Он знал изящную грязь бабушкина салона, как и неопрятную грязь отцовской казармы, но его не познакомили с той здоровой житейской грязью, пачкаться в которой сам Господь благословил человека, сказав ему: «В поте лица твоего снеси хлеб твой».

Таким образом, Александр вступил на престол с запасом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были водворять свободу и благоденствие в управляемом народе, но не давал отчета, как это сделать. Эта свобода и благоденствие, так ему казалось, должны были водвориться сразу, сами собой, без труда и препятствий, каким-то волшебным «вдруг». Разумеется, при первом же опыте встретились препятствия. Не привыкнув одолевать затруднений, великий князь начинал досадовать на людей и жизнь, приходил в уныние. Непривычка к труду и борьбе развила в нем склонность преждевременно опускать руки, слишком скоро утомляться; едва начав дело, великий князь уже тяготился им; уставал раньше, чем принимался за работу.

Николай Николаевич Новосильцев

В 1796 г., имея 18 лет от роду, он уже чувствовал себя усталым и признавался, что его мечта – со временем, отрекшись от престола, поселиться с женой на берегу Рейна и ве-

сти жизнь частного человека в обществе друзей и в изучении природы. Затруднения, встреченные дома при осуществлении задуманной программы, постепенно поселили в нем холодность к внутренней деятельности. Тогда все идеалы императора постепенно уходили из России, с Невы на Вислу, сосредоточивались на Польше и даже переходили за границу, в Западную Европу. Известно, что во вторую половину царствования император очень мало занимался внутренними делами России, все его внимание постепенно сосредоточилось на устройстве политического порядка в Польше, поддержании устройством Священного союза политического порядка в Западной Европе. Таким образом, прежняя русская национально-политическая идиллия сменилась идиллией всемирно-исторической – Священным союзом, которым думали устроить политический порядок в Западной Европе, на правилах Евангелия, т. е. на принципах частной личной морали.

После царя Алексея Михайловича император Александр [производил] наиболее приятное впечатление, вызывал к себе сочувствие своими личными качествами; это был роскошный, но только тепличный цветок, не успевший или не умевший акклиматизироваться на русской почве. Он рос и цвел роскошно, пока стояла хорошая погода, а как подули северные бури, как наступило наше русское осеннее ненастье, он завял и опустился.

Такие недостатки, вынесенные из воспитания, всего силь-

нее отразились на первоначальной преобразовательной программе.

Преобразовательные опыты первых лет. Сделаю обзор главных явлений внутренней преобразовательной деятельности императора Александра. Этот император вступил на престол 12 марта 1801 г. Его вступление на престол возбуждало в русском, преимущественно дворянском, обществе самый шумный восторг; предшествующее царствование для этого общества было строгим великим постом. Карамзин говорит, что слух о воцарении нового императора был принят как весть искупления. Продолжительное напряжение нервов от страха разрешалось обильными слезами умиления: люди на улицах и в домах плакали от радости; при встрече знакомые и незнакомые поздравляли друг друга и обнимались, точно в день Светлого воскресения. Но скоро новый, 24-летний император стал предметом восторженного внимания и обожания. Самая наружность, обращение, появление на улице его, как и обстановка, производили обаятельное действие.

В первый раз увидали государя гуляющим в столице пешком, без всякой свиты и без всяких украшений, даже без часов, и приветливо отвечающим на поклоны встречных. Новое правительство поспешило прямо заявить направление, в каком оно намерено было действовать. В манифесте 12 марта 1801 г. император принимал на себя обязательство управлять народом «по законам и по сердцу своей премудрой бабки». В указах, как и в частных беседах, император выражал

основное правило, которым он будет руководиться: на место личного произвола деятельно водворять строгую законность. Император не раз указывал на главный недостаток, которым страдал русский государственный порядок; этот недостаток он называл «произволом нашего правления». Для устранения этого недостатка он указывал на необходимость коренных, т. е. основных, законов, которых почти еще не было в России. В таком направлении велись преобразовательные опыты первых лет.

С первых дней нового царствования императора окружили люди, которых он призвал помогать ему в преобразовательных работах. То были люди, воспитанные в самых передовых идеях XVIII в. и хорошо знакомые с государственными порядками Запада; они принадлежали к поколению, непосредственно следовавшему за дельцами екатерининского времени. Во второй половине этого царствования они принадлежали к великосветской молодежи, которая вместе с манерами французских салонов усвояла незаметно и политические идеи французской литературы Просвещения. То были граф Кочубей, племянник екатерининского дельца Безбородка Новосильцев, граф Строганов, родственник Новосильцева, и поляк князь Адам Чарторыйский. Эти люди составили интимный кружок, неофициальный комитет, который собирался после обеденного кофе в укромной комнате императора, и вместе с ним вырабатывали план преобразований. Благодаря тому что один из членов этой комис-

сии – граф П. А. Строганов – вел для себя записи его негласных заседаний на французском языке (24 июня 1801 г. – 9 ноября 1803 г.), мы можем следить за деятельностью этого комитета. Он сразу затронул самые разнообразные государственные вопросы. Задачей этого комитета было помогать императору «в систематической работе над реформой бесформенного здания управления империей» – так выражена была эта задача в одной записи. Положено было предварительно изучить настоящее положение империи, потом преобразовать отдельные части администрации и эти отдельные реформы завершить «уложением (так я перевожу слово constitution), установленным на основании истинного народного духа». Начали с центрального управления. Екатерина, как мы видели, оставила незавершенным здание центрального управления. Создав сложный и стройный порядок местной администрации и суда, она не дала правильных центральных учреждений с точно распределенными ведомствами, ясным обозначением «твердых пределов», что было обещано в июльском манифесте 1762 г.

Князь Адам Чарторыйский.

С гравированного портрета начала XIX в.

Внук продолжал работу бабки, но выведенная им вершина правительственного здания по духу и строю своему вышла непохожей на корпус, не соответствовала своему фундаменту. Собиравшийся по личному усмотрению императрицы Екатерины Государственный совет 30 марта 1801 г. заменен был постоянным учреждением, получившим название «Непременного совета», для рассмотрения и обсуждения государственных дел и постановлений. Он был организован на скорую руку, состоял из 12 высших сановников без разделения на департаменты. Затем преобразованы были петровские коллегии, уже при Екатерине утратившие свой первоначальный характер. Манифестом 8 сентября 1802 г. они преобразованы были в восемь министерств. То были министерства иностранных дел, военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, финансов, юстиции, коммерции и народного просвещения с Комитетом министров для обсуждения дел, требующих общих соображений. Это последнее является впервые в системе наших центральных учреждений. Прежние коллегии подчинены министерствам или вошли в новые министерства, как их департаменты. Главным отличием новых органов центрального управления была их единоличная власть: каждое ведомство управлялось министром вместо прежнего коллегиального присутствия; каждый ми-

нистр был подотчетен Сенату.

Такова была первая попытка перестройки центрального управления, предпринятая новым императором. Одновременно с реформами административными, затронуты были и общественные отношения. Здесь также резко заявлено было направление, в каком предполагалось действовать; направление это состояло в уравнивании всех общественных состояний перед законом. В числе первых мер нового императора было восстановление жалованных сословных грамот, отмененных, как мы видели, прежним императором в их главных частях. Но в неофициальном комитете император признавался, что он против воли восстановил жалованную грамоту дворянству, потому что исключительность дарованных ею сословных прав была ему всегда противна. Затронут был робко щекотливый вопрос о крепостном праве.

Рядом мер с начала царствования заявлено было намерение правительства постепенно подготовить умы к упразднению этого права. Так, в правительственных периодических изданиях запрещено было печатать публикации о продаже крестьян без земли. С 1801 г. запрещена была раздача населенных имений в частную собственность. 12 декабря 1801 г., в день рождения императора, обнародован был еще более важный указ, предоставлявший лицам всех свободных состояний приобретать вне городов в собственность недвижимые имущества без крестьян; этим правом могли воспользоваться купцы, мещане, казенные крестьяне. Закон 12 декаб-

ря разрушил вековую землевладельческую монополию дворянства, которое одно дотоле пользовалось правом приобретать землю в личную собственность. Ободренные этим первым начинанием, некоторые свободомыслящие помещики возымели желание, вступая в соглашение со своими крепостными крестьянами, освободить их на волю целыми селениями. Доселе не существовало закона о таком массовом освобождении крестьян. Так, воронежский помещик Петрово-Соловово заключил сделку с 5001 душой своих крестьян, предоставив им в собственность земли, которые они обрабатывали, с условием выплатить ему в 19 лет 1 1/2 млн руб.

Сын екатерининского фельдмаршала граф Сергей Румянцев задумал отпустить на волю 199 душ своих крестьян с землей по добровольному соглашению с ними, но при этом он представил правительству проект общего закона о сделках помещиков с крепостными крестьянами. Правительство приняло этот проект, и 20 февраля 1803 г. издан был указ о свободных хлебопашцах: помещики могли вступать в соглашение со своими крестьянами, освобождая их непременно с землей целыми селениями или отдельными семьями. Эти освобожденные крестьяне, не записываясь в другие состояния, образовали особый класс «свободных хлебопашцев». Закон 20 февраля был первым решительным выражением правительственного намерения отменить крепостное право.

Таковы были первые опыты перестройки управления и общественных отношений, они составляют первую эпоху

преобразовательной деятельности Александра. Опыты эти недостаточно обдумывались и страдали важными недостатками: недостаточно соглашались одни с другими, велись чрезвычайно торопливо; так, новые центральные ведомства, министерства явились единоличными учреждениями, а руководимые ими губернские учреждения сохранили прежний коллегияльный строй. Затем последовали известные внешние события, на некоторое время отвлекшие императора от внутренних работ. То было участие в двух коалициях против Франции – 1805 г. в союзе с Австрией; 1806–1807 гг. – в союзе с Пруссией. Во время этих войн расстроился интимный кружок первых советников императора. Походы и неудачи охладили первоначальное либерально-идиллическое настроение Александра; наблюдения, им собранные, поселили в нем недовольство окружающим. Члены неофициального комитета один за другим удалились от императора. Их опустелые места занял один человек, который стал единственным доверенным сотрудником императора. То был Михаил Михайлович Сперанский.

В 1812 г. начался новый перерыв во внутренней деятельности этого царствования. Внешние события надолго отвлекли внимание правительства и общества от внутренних дел. Когда бури военных лет пронеслись, правительство не возвратилось к деятельности в прежнем направлении. События этих лет неодинаково подействовали на общество и на правительство: в первом они вызвали необычайное поли-

тическое и нравственное возбуждение; общество непривычно оживилось, приподнятое великими событиями, в которых ему пришлось принять такое деятельное участие. Это возбуждение долго не могло улечься и по возвращении русской армии из-за границы. Силу этого возбуждения нам трудно теперь себе представить; оно сообщилось и правительственным сферам, проникло в официальные правительственные издания. Печатались статьи о политической свободе, свободе печати; попечители учебных округов на торжественных заседаниях управляемых ими заведений произносили речи о политической свободе как о последнем и прекраснейшем даре Божьем. Частные журналы шли еще дальше: они прямо печатали статьи под заглавием «О конституции», в которых старались доказать «доброту представительного учреждения». Возбуждение сообщилось и, может быть, даже поддерживалось военными людьми, возвратившимися из заграничных походов. В офицерских кругах образовывались общества, в которых читались речи о недостаточности специального военно-технического образования для военных людей, необходимости для них чтения, ученых упражнений общего образования.

Совсем иначе подействовали внешние события на правительство, прежде всего на самого императора: оно вышло из тревог военных лет с чувством усталости, с неохотой продолжать преобразовательные начинания первых лет, даже с некоторым разочарованием в прежних своих полити-

ческих идеалах. Различные причины вызвали эту перемену в настроении правительства; из них одной можно признать оказавшиеся результаты исполненных преобразований. Эти результаты не оправдали ожиданий, не внесли заметного улучшения в государственную жизнь, не устранили старых многочисленных злоупотреблений. Правительство пришло в уныние от этих неудач; притом и внешняя политика начала оказывать давление на ход внутренних дел. Внешние события поставили Россию в борьбу с последствиями Французской революции; русское правительство как-то самым ходом дел стало консерватором в международных отношениях, охранителем законности, следовательно, поборником восстановления старины. Такое направление из международных отношений невольно переносилось на внутреннюю политику. Нельзя же было, в самом деле, одной рукой поддерживать охранительные начала на Западе, а другой продолжать преобразовательные предприятия дома.

Таким образом, правительство во второй половине царствования стало постепенно отказываться от программы, которая так громко возведена была вначале и к осуществлению которой были сделаны такие сильные приступы. Вследствие этого неодинакового действия одних и тех же событий на правительство и на общество, они, правительство и общество, разошлись между собою, как никогда не расходились прежде. Благодаря такому разладу, в обществе стало развиваться уныние, которое, питаясь все новыми, подбав-

лявшимися условиями, постепенно превратилось в глубокое недовольство. По привычкам, усвоенным еще в масонстве XVIII в., это недовольство, укоренившееся в высших, образованных кругах русского общества, повело к образованию тайных обществ, а тайные общества привели к катастрофе 14 декабря 1825 г.

Вторая половина царствования. Изменения в политике. Внешние дела 1812–1815 гг. оказали могущественное влияние на ход дел внутренних; можно даже сказать, что редко когда внешняя политика так изменяла направление внутренней жизни в России; может быть, это произошло оттого, что Россия редко переживала такие события, какие испытала в те годы. События эти очень неодинаково действовали на русское общество и на русское правительство. В первом они вызвали необыкновенное политическое и нравственное возбуждение. Русские люди, только что пережившие такие опасности, вышли из них с более живым ощущением своих сил. Возбуждение это сказывалось и в литературе, даже официальной. В периодических официальных изданиях, продолжая прежний тон, с начала царствования установившийся в печати, встречались статьи о таких вопросах, как свобода печати и т. п. Еще живее сказывалось это возбуждение в неофициальной периодической литературе; здесь прямо печатались статьи под заглавием «О конституции», в которых доказывалась «добродота представительных учреждений». Попечители учебных округов на торжественных актах произ-

носили речи о политической свободе, называя ее «последним и возвышенным даром Бога». Итак, высшие руководители общества, т. е. военно-гражданские, расположены были к самым широким ожиданиям, надеялись теперь, что правительство не только предложит, но и расширит свою прежнюю программу.

Между тем правительство относилось уже не по-прежнему к преобразованиям. Оно не расположено было проводить и прежней программы. На правительстве отразилось то настроение, с которым вышел из пережитых опасностей его глава. Император Александр очень утомился в эти годы; быстрая смена побед и поражений нарушила в нем прежнее нравственное равновесие; недаром он в 1814 г., возвращаясь из-за границы, привез домой седые волосы. Пережитые события поселили в правительстве чувство утомления, охлаждения к энергичной внутренней деятельности, даже некоторое разочарование в прежних политических идеалах. К тому же ход важнейших событий поставил его в упорную борьбу с последствиями Французской революции, волей или неволей сделал его представителем консерватизма в международных отношениях, восстановителем и охранителем законного порядка, основанного на предании старины. Это охранительное направление из внешней политики необходимо переносилось и на внутреннюю; нельзя же было, в самом деле, одной рукой за границей поддерживать консервативные начала, а дома продолжать преобразовательную, ре-

волюционную, как говорили тогда, деятельность. Как бы отвечая на изменившееся положение дел, правительство слабо продолжало деятельность прежнего направления; да и эта ослабленная деятельность сосредоточивалась не на коренных областях России, а на окраинах, находящихся ближе к Западной Европе; очевидно, путь тяготения внутренней политики также переместился ближе к западной границе.

Конституция Царства Польского. Слабый отблеск прежнего направления сказывался во вторую половину царствования Александра в тех мерах правительства, которые касались Царства Польского и Остзейских провинций.

По определениям Венского конгресса, Россия, как бы в награду за все то, что она сделала для освобождения европейских народов от «французского ига», получила герцогство Варшавское. Это Варшавское герцогство, как известно, образовано было Наполеоном после войны с Пруссией 1806–1807 гг. из тех провинций бывшей Польской республики, которые по трем разделам отошли к Пруссии.

Образованное Наполеоном герцогство Варшавское теперь переименовано было в Царство Польское с присоединением к нему некоторых частей Польского государства, по разделу доставшихся России, именно Литвы. Царство Польское отдано было России без всяких условий, но сам Александр настоял на Венском конгрессе, чтобы в международный акт конгресса внесено было постановление, обязывавшее правительства тех государств, в пределах которых находились быв-

шие польские провинции, дать этим провинциям конституционное устройство. Это обязательство Александр принял и на себя; по этому обязательству польские области, находившиеся в пределах России, должны были получить представительство и такие учреждения, которые русский император найдет полезным и приличным дать им. В силу этого была выработана конституция Царства Польского, утвержденная императором в 1815 г. В силу этой конституции в 1818 г. открыт был первый польский сейм. Польша управлялась под руководством наместника, которым стал брат Александра Константин; законодательная власть в Польше принадлежала сейму, распадавшемуся на две палаты – сенат и палату депутатов. Сенат состоял из представителей церковной иерархии и государственной администрации, т. е. из представителей шляхетства, городской и свободной сельской общины. Первый сейм был открыт речью императора, в которой было объявлено, что представительные учреждения были всегда предметом заботливых помыслов государя и что, примененные с добрым намерением и чистосердечностью, они могут послужить основанием истинного народного благоденствия. Так случилось, что завоеванная страна получила учреждения, более свободные, чем какими управлялась страна-завоевательница. Варшавская речь 1818 г. болезненно отозвалась в сердцах русских патриотов. Ходили слухи, что и для империи вырабатывается новое государственное устройство; проект этот был поручен будто бы бывшему сотруднику им-

ператора Новосильцеву.

Р. Штейн. Капитуляция Варшавы

Освобождение остзейских крестьян. Продолжением деятельности в прежнем направлении могло казаться и освобождение остзейских крестьян. Еще в 1811 г. эстляндское дворянство предложило правительству освободить своих крестьян от крепостной зависимости; тогда была образована особая комиссия для выработки положения о крестьянах, вышедших на волю. В 1814 г. возобновлена была деятельность этой комиссии, прерванная войною; следствием этой деятельности была выработка положения об освобождении остзейских крестьян. Положение это было утвержде-

но в 1816 г. Вопрос об освобождении возбужден был также в Курляндии и Лифляндии; выработанные положения об освобождении этих крестьян утверждены в 1817 и 1819 гг. Все эти положения построены были на одинаковых началах. Остзейские крестьяне получили личную свободу, но эта свобода была стеснена запрещением переселяться в другие губернии и приписываться к городским обществам. Прежде, когда действовал в Остзейских губерниях еще старый шведский устав, крепостные остзейские крестьяне наследственно пользовались своими участками, которых у них не мог отнять землевладелец. Теперь этот порядок был изменен. Известная часть земли у каждого помещика, по положению, должна была обязательно находиться в постоянном пользовании крестьян. Но каждый отдельный участок помещик отдавал крестьянину на известный срок в аренду, по добровольному соглашению с ним, т. е. каждый помещик мог согнать своего крестьянина с участка только с обязательством заменить согнанного другим. Помещичья земля была разделена на две половины: одной он мог пользоваться сам, другую отдавал обязательно в аренду крестьянам. Но выбор и условия соглашения представлялись договаривавшимся сторонам, из которых перевес, разумеется, принадлежал сильному. Значит, остзейские крестьяне освобождены были от личной зависимости, но без земли и в поземельных отношениях предоставлены были усмотрению произвола землевладельцев. Для разбора тяжб между крестьянами и землевла-

дельцами устроены были особые суды, но председателями в них были землевладельцы: точно так же вотчинная полиция осталась в руках землевладельцев. Смысл остзейской эмансипации был таков: землевладелец удерживал над крестьянином всю прежнюю власть, но по закону освобождался от всех обязанностей по отношению к крестьянам; это был один из художественных фактов остзейского дворянства. Положение остзейских крестьян тотчас ухудшилось.

Крестьянский вопрос. Понятно, что остзейская эмансипация не могла быть желательным образцом для разрешения крепостного вопроса в коренных областях России. Благомыслящие и знакомые с положением дела люди думали, что лучше не возбуждать вопроса об освобождении крестьян, чем разрешать его по-остзейски. Однако вопрос обсуждался в правительственных кругах. Правительству [был] представлен целый ряд проектов, большая часть из них построена на мысли о безземельном освобождении крестьян, многие понимали необходимость освобождения с землей.

Любопытно, как распределились государственные дельцы на стороны, на партии в этом вопросе. Из всех проектов особенный интерес представляют два: один из них принадлежит либеральному и талантливому лицу – адмиралу Мордвинову, другой – нелиберальному и неталантливому дельцу графу Аракчееву, имя которого тогда уже стало одним из ненавистных имен в России. Как бы вы думали, предполагали освобождение крестьян эти дельцы? Трудно наперед угадать

придуманнные ими способы решения, по качеству своему они обратно пропорциональны умам и талантам обоих дельцов. Адмирал Мордвинов находил справедливым и возможным выкуп личной свободы. Об освобождении с земельным наделом не было и речи. Земля должна была вся остаться во владении помещиков; но крестьяне получали право выкупить личную свободу, для этого автор проекта составил таксу – сумма выкупа соответствует возрасту выкупающегося, т. е. его рабочей способности. Например, дети от 9—10 лет платят по 100 руб.; чем старше возраст, тем выше плата; работник 30—40 лет – 2 тыс. (на тогдашнем рынке это равняется нашим 6—7 тыс. руб.); работник 40—50 лет платит меньше и т. п. по мере рабочей силы. Понятно, какие крестьяне по этому проекту вышли бы на волю, – это сельские кулаки, которые получили бы возможность накопить необходимый для выкупа капитал. Словом, трудно было придумать проект, менее практический и более несправедливый, чем тот, какой развивается в записке Мордвинова.

Неизвестно, кто составил проект для Аракчеева, которому это было поручено императором, едва ли подписавшийся под ним был его автором. Этот проект отличался некоторыми достоинствами: Аракчеев предполагал освобождение крестьян провести под руководством правительства – оно покупает постепенно крестьян с землею у помещиков по соглашению с ними по ценам данной местности. Для этого оно назначает капитал ежегодно; капитал этот образует-

ся или посредством отчисления известной суммы из питейного дохода, или посредством выпуска соответственного количества 5-процентных облигаций государственного казначейства. Крестьяне выпускаются с землею в размере двух десятин на душу. В проекте Аракчеева изложены были выгоды такой операции для землевладельцев; о выгоде операции для крестьян автор благоразумно умалчивал. Землевладельцы, очень пострадавшие в войну, посредством такого освобождения крестьян освобождались от долгов, которые обременяли их имения, получали оборотный капитал, которого у них не было, и не лишались рабочих рук для той цели, какая оставалась за ними, потому что крестьяне, получив столь малый надел, принуждены были брать в аренду помещичьи земли. Много недостатков можно указать в этом проекте, может быть, в нем было мало доброжелательства к крестьянам, но проект нельзя назвать непрактичным, в нем, по крайней мере, нет бессмыслицы, осуществление этого проекта не сопровождалось бы разгромом государства, к которому привел бы непременно проект Мордвинова. Все это показывает только, как мало государственные умы были подготовлены к разрешению этого вопроса, о котором, кажется, уже давно пора было подумать.

Самый лучший проект принадлежал дельцу без цвета, которого нельзя было назвать ни либералом, ни консерватором; этот проект был составлен по воле государя и в основе своей противоречил взглядам последнего; автором его был

Канкрин, ставший потом министром финансов. Проект был построен на медленном выкупе крестьянской земли у помещиков в достаточном размере. Вся операция рассчитана была на 60 лет, так что в 1880 г. окончательно разверстались отношения между крестьянами и помещиками без долгов, т. е. без налога на крестьян для уплаты процентов по казенной выкупной сумме, заплаченной за крестьян землевладельцам. Некоторые государственные люди даже пугались самой мысли об освобождении крестьян, которая представлялась им страшным переворотом. К таким предусмотрительным людям принадлежал известный в свое время государственный человек, считавшийся в числе первых политических голов, граф Ростопчин. Своим обычным лаконическим языком он наглядно описывал опасности, которые произойдут по освобождении крестьян. Россия испытает все бедствия, какие перенесла Франция во время революции, и, может быть, худшие, какие перенесла Россия при нашествии Батыя.

Реакция. Из всех этих проектов, толков, возбужденных в правительстве, не вышло ничего практического; вопрос был оставлен, как оставлены были и другие преобразовательные предположения. В этом имели некоторое участие и внешние события, которые преимущественно поглощали внимание государя. Основатель политического Священного союза, т. е. религиозно-политического консерватизма в международной политике, с каждым годом все более убеждался,

как шатки основания, на которых тогда держался европейский политический порядок. То там, то здесь прорывались вспышки, народы не хотели мирно сидеть на местах, на которые их усадил Венский конгресс. В 1818 г. германские студенты производят беспорядки и празднуют в Вартбурге 300-летний юбилей Реформации. Они наделали много юношеских выходок, на что взглянули руководители германской политики чрезвычайно серьезно, т. е., говоря проще, трусливо; для германских университетов выработаны были новые правила, которые подчиняли надзору не только поведение молодежи, но и преподавателей. В 20-х годах произошла революция в Испании, которая отозвалась движениями на Апеннинском полуострове, в Неаполе, Клермонте. В 1827 г. восстали греки против турок. Здание Венского конгресса разваливалось с разных сторон.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев.

С гравированного портрета Уткина

По мере того как усиливались на Западе волнения, возникали опасения подобных явлений в России. С этого времени получает серьезное значение политика народного просвещения, полиция умов становится серьезным вопросом; она выразилась в целом ряде тревожных мер, принятых для того, чтобы дать надлежащее направление литературе и народному образованию, т. е. школам. Как известно, при Павле учреждена была цензура преимущественно для книг, приходящих из-за границы, но она скоро прекратила свои действия, потому что запрещен был ввоз книг, кроме написанных на тунгусском языке. В царствование Александра издан был цензурный устав 1804 г., очень обдуманый и вообще доброжелательный к успехам российской словесности; только этот устав оказался неудовлетворительным, потому что плохо сдерживал разгул мысли. Создана была новая организация надзора за печатью. Но этот надзор по свойству своему требовал опытных и размышляющих орудий; смотреть за порядком бумаг гораздо труднее, чем наблюдать за порядком на улице, а орудиями этого надзора были сделаны типы не лучше тех, которые стояли на постах на улицах. Вместо должного направления в литературе вышел ряд смешных или печальных анекдотов, которые беспокоили или веселили самых консервативных людей. Шишков, министр просвещения, в конце царствования Александра, представитель кон-

серватизма, сам рассказывает анекдот об одном цензоре, которого смутили такие стихи в подлежавшей его суду книге; печальный поэт жаловался на свою судьбу, говоря: «Что в мире мне, где все на мне – и смерть и рок царит...» Цензор нашел, что доброму христианину неприлично жаловаться на рок, зачеркнул слово «рок» и отдал в печать; вышло: «Что в мире мне, где все на мне – и смерть царит». Шишков прибавляет, что цензура должна быть не только строга, но и умна. Один писатель напечатал книгу, самое название которой, по видимому, освобождало цензора от обязанности читать ее, – это «Беседа о бессмертии души при гробе младенца», книга добрая, назидательная. Министр просвещения, князь Голицын, нашел несогласие с христианским учением и поднял целую бурю: автор был выслан за границу, книга была отобрана из магазинов, а цензор – инспектор Духовной академии, архимандрит Иннокентий, получил выговор, а потом отставку от должности. При Шишкове дело это возобновилось. [Было] поручено нескольким духовным лицам вновь пересмотреть книгу «О бессмертии души», и священники, рассматривавшие ее, нашли, что она не только согласна с христианским учением, но даже обнаруживает горячую ревность о вере и Церкви. Книга была напечатана вновь на казенный счет и пущена в обращение.

Новое направление еще тяжелее отозвалось на высшей школе, которая всегда платилась за грехи общества. В царствование Александра возникли три новых университета –

Казанский, Харьковский и Петербургский, первоначально образованных в виде институтов для приготовления учителей в средние учебные заведения. Средних учебных заведений в царствование Александра было много. При Екатерине еще был составлен проект средних и низших школ, оставленный неосуществленным; в начале царствования Александра этот проект был приведен в исполнение с изменениями, возник ряд гимназий и приходских школ. Для приготовления учителей в новые учебные заведения и основан был в Петербурге главный Педагогический институт, который в 1819 г. был преобразован в университет. Впервые теперь было обращено внимание на университет, но внимание это было направлено не на то, чему учили, а на то, как мыслили и чувствовали. Для того чтобы дать должное направление школе, при Министерстве народного просвещения образовано было Главное управление училищ, а при Главном управлении училищ – Учебный комитет, который должен был специально следить за учебными руководствами, выходящими в России.

Манифестом 24 октября 1817 г. Министерство народного просвещения даже соединено было с ведомством духовных дел, т. е. с ведомством Святейшего Синода; министром народного просвещения и духовных дел назначен был князь Голицын. Это соединение двух ведомств объяснялось в манифесте такою целью, чтобы «истинно христианское благочестие всегда служило основанием просвещению умов». Для

Учебного комитета была составлена инструкция, в которой указывалось, какое направление должно было получить народное образование. Последнее должно быть направлено к тому, чтобы «посредством лучших учебных книг водворить постоянное и спасительное согласие между верою, ведением и разумом», т. е. между религиозным сознанием, между образованием умственным и между порядком политическим. Эти добрые начала, которые составляют идеал всякого образования, практически были разработаны так, что «вера, ведение и разум» почувствовали себя еще большими врагами, чем прежде.

В числе бойких сотрудников Сперанского во время его деятельности в Государственном совете был некий Магницкий, кончивший курс не без успеха в Московском университете, а потом служивший в гвардейском Преображенском полку. Магницкий этот пал вместе со Сперанским в 1812 г., но потом раскаялся в своих увлечениях и, заняв должность симбирского губернатора, показал большую ревность в противоположном, нелиберальном направлении. Эта ревность не по разуму послужила даже причиной потери губернаторского места. Почувяв перемену ветра, Магницкий поступил на службу по Министерству просвещения и стал членом Главного управления училищ. До министра дошли слухи о том, что преподавание в Казанском университете идет по ложной дороге; назначена была ревизия университета и ревизором послан Магницкий. Он налетел на университет,

пошарил кое-что, пробыл всего шесть дней в Казани и, воротившись, доложил, что университет, по всей справедливости и строгости законов, подлежит уничтожению, притом в виде публичного его разрушения. Император положил на доклад резолюцию: «Зачем разрушать, можно исправить». Исправлять университет был послан тот же Магницкий, назначенный попечителем Казанского округа, для чего при его участии составлена была инструкция ректору и директору Казанского университета (директор соответствовал нынешнему инспектору). Инструкция утверждена была в 1820 г., она направлена была к тому, чтобы поставить преподавание и студентов на прямую дорогу. Главный порок, замеченный Магницким в преподавании, – это «дух вольнодумства и лжемудрия», грозящий разрушением общественному порядку. Магницкий с инструкцией в руках возвратился в Казань, чтобы поставить преподавание, как он говорил, на началах Священного союза.

Инструкция для начальства Казанского университета, данная Магницкому, определяла подробно направление преподавания каждого предмета и быт студентов; она получает значение даже факта в истории нашего просвещения, потому что применена была и к другим университетам. Магницкий, рассматривая списки почетных членов Казанского университета, с ужасом встретил имя аббата Грегуара, который, как известно, был депутатом Конвента и подавал голос за смерть Людовика XVI. По недосмотру университет забыл

зачеркнуть это завалявшееся имя. Магницкий и выставил его ребром как доказательство маратизма и робеспьерства, овладевшего Казанским университетом. Инструкция указывала, как и по каким руководствам должны быть преподаваемы предметы университетского курса, например, философия должна руководиться более всего посланиями апостола Павла, начала политических наук должны быть извлекаемы из творений Моисея, Давида и Соломона и, только в случае какого недостатка, – из сочинений Аристотеля и Платона. Преподаватель всеобщей истории должен был меньше говорить о первоначальном обществе и должен был показать, как от одной пары все человечество развилось. Преподаватель русской истории обязан был показать, что при Владимире Мономахе Русское государство упреждало все прочие государства на пути просвещения, и он должен был доказать это законодательством Мономаха о народном просвещении, хотя инструкция не указывала, из каких источников преподаватель должен был извлечь известие об этом законодательстве. В таком духе направлено было преподавание всех предметов.

Определен был точный порядок жизни студентов, значительная часть которых, по тогдашнему устройству высших заведений, жила в самом университете. Так как главная обязанность христианина состоит в повиновении властям, то начальство должно было по инструкции являть пример наистрожайшего подчинения. Директор, наблюдавший за сту-

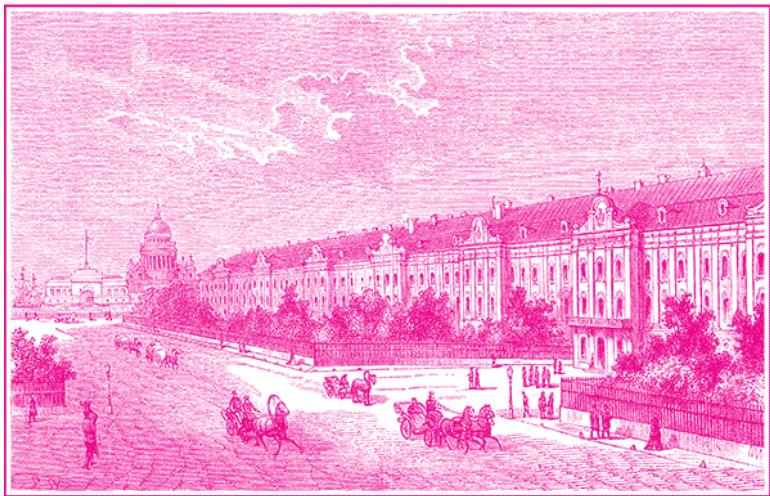
дентами, подбирает штат богобоязненных помощников, наводит у полиции справки о домашней жизни студентов, живших не в университете. Казеннокоштные студенты устроены были в иноческую общину, в которой должны были господствовать столь строгие нравы, сравнительно с которыми строго устроенные женские институты казались распущенными. Студенты распределялись не по курсам, а по степеням нравственного содержания; каждый разряд жил в особом этаже университетского здания, обедали отдельно, чтобы порочные не могли заражать. Если студент провинится, то он должен вынести известный курс нравственного исправления. Он назывался не виноватым, а грешным; его сажали в особую комнату, называемую «комнатой уединения» (в позднейшем переводе эта комната называется карцером). Окна и дверь этой комнаты были заставлены железной решеткой; над входом виднелась надпись из Священного Писания; в самой комнате на одной стене висело распятие, на другой – картина Страшного суда, на которой наказываемый должен был отметить будущее место свое среди грешников. Студента вводили в комнату в лаптях, в крестьянском армяке; он должен был находиться в комнате, пока исправится. В продолжение его заключения товарищи каждое утро перед лекциями должны были молиться за него; заключенного каждый день посещал священник, который по окончании курса испытания исповедовал и причащал его.

Течение университетской жизни получило духовную, мо-

нашескую окраску; этой окраской отличались и некоторые лекции. На торжественных актах пелись духовные гимны, читались речи все о нравственном совершенстве, согласовании образования с истинами веры; эти почтенные слова помыкались на каждом шагу. Некоторые преподаватели, входя в дух инструкций, согласно с нею перестраивали свои курсы, даже те курсы, которые по содержанию своему имели мало отношения к вопросам веры и нравственности. Один преподаватель даже задумал построить чистую математику на принципах нравственности, и в этом направлении читал однажды речь, доказывая, что математика вовсе не содействует развитию вольнодумства, подтверждая высочайшие истины веры. Например, как без единицы не может быть числа, так и мир не может быть без единого Творца. Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть не что иное, как символ соединения земного с Божественным, горнего с дольным. Доносы сами собою входят в воспитательную программу как дополнительное средство надзора. Профанация святыни сопровождалась развитием лицемерия и легкомысленнейшего отношения к предметам, которыми вообще дорожат все.

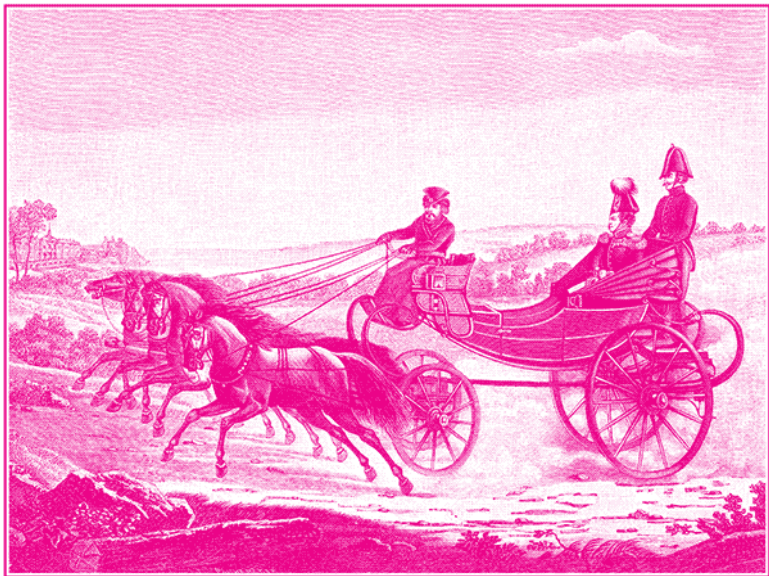
Подобное направление проводилось и в других университетах. В Петербургском университете, на первых шагах его деятельности по преобразованию его в университет, это направление вызвало даже соблазнительный процесс четырех профессоров, который наделал много шума в свое время. Процесс состоял в том, что четыре профессора: философии

– Галич, всеобщей истории – Раупах и статистики – Герман и Арсеньев – заподозрены были в неблагонамеренном направлении и подверглись суду, столь несправедливому и беспорядочному, что высшее правительство отвергло его решение, а в следующее царствование прекращен был и самый процесс. Впрочем, все четыре профессора были уволены, а это были самые благонамеренные и консервативные преподаватели, отличавшиеся от других только тем, что больше знали. Их благонамеренность даже была оценена преемником Александра Николаем, который одного из преподавателей – Арсеньева – назначил преподавателем своего старшего сына.

Университет в Санкт-Петербурге

Так хотели поставить русское печатное слово и русскую мысль. То же направление проводилось и в других сферах государственной жизни. Знаменем этого нового направления был известный Аракчеев. С 1814 г. он становится близко к государю, облачается его полным доверием и делается чем-то вроде первого министра. С 1823 г. он является единственным докладчиком при государе по всем делам, даже по ведомству Святейшего Синода; начальники отдельных частей управления являлись с докладом к Аракчееву, который уже сообщения их представлял государю. Чтобы не входить в подробности, достаточно обозначить деятельность Аракчеева словами одного современника, который сказал, что Аракчеев хотел из России построить казарму да еще поставить фельдфебеля к дверям. Следствием всего этого было тягостное настроение, которое все более овладевало обществом. Настроение это живо нам передают люди того времени без различия образа мыслей. Может быть, такое настроение не было новостью в истории нашего общества, но никогда оно не сопровождалось такими последствиями: оно повело к печальной катастрофе 14 декабря 1825 г.

Прогулка императора Александра по окрестностям Петербурга.

С гравюры Афанасьева

Неудача преобразований. Нам известны начинания Александра I; все они были безуспешны. Лучшие из них те, которые остались бесплодными, другие имели худший результат, т. е. ухудшили положение дел. В самом деле, мечты о конституционном порядке осуществлены были на западном крае России, в Царстве Польском. Действие этой конституции причинило неисчислимый вред истории. Вред этот

имел случай почувствовать сам виновник польской конституции. За пожалованную конституцию поляки вскоре отплатили упорной оппозицией на сейме, которая заставила отменить публичность заседаний и установить в Польше, помимо конституции, управление в чисто русском духе. Одним из лучших законов первых лет был указ 1803 г. 20 февраля «О вольных хлебопашцах»; на этот закон возлагали большие надежды, думали, что он подготовит постепенно и мирно освобождение крестьян. Лет за 20 со времени издания закона вышло на волю по добровольному соглашению с помещиками, 30 тыс. душ крепостных крестьян, т. е. около 0,3 % всего крепостного населения империи (по VI ревизии в 1818 г., его считалось до 10 млн ревизских душ). К такому микроскопическому результату привел закон, наделавший столько движения. Даже и административные реформы, новые центральные учреждения вовсе не внесли ожидаемого обновления в русскую жизнь, зато усилили очень заметно нескладницу в русском административном механизме. До тех пор в центре, как и в провинции, действовали, по крайней мере, по наружности, коллегиальные учреждения. Государственный совет, Сенат и Комитет министров были построены на том же коллегиальном начале, какое проведено было в губернских учреждениях Екатерины. А учреждения, служившие посредниками между теми и другими, министерства и главные управления, были основаны на начале единоличной власти и единоличной ответственности своих управителей;

верх и низ управления построены были на ином начале, не на том, на каком держалась середина управления (это система передаточных учреждений). Вообще, если бы сторонний наблюдатель, который имел случай ознакомиться с русским государственным порядком и с русской общественной жизнью в конце царствования Екатерины, потом воротился бы в Россию в конце царствования Александра и внимательно взгляделся бы в русскую жизнь, не заметил бы, что была эпоха правительственных и социальных преобразований; он не заметил бы царствования Александра.

В чем заключалась причина этой безуспешности этих преобразовательных начинаний? Она заключалась в их внутренней непоследовательности, на которую я имел уже случай указать. В этой непоследовательности историческая оценка деятельности Александра. Новые правительственные учреждения, осуществленные или только задуманные, основаны были на начале законности, т. е. на идее твердого и для всех одинакового закона, который должен был стеснить произвол во всех сферах государственной и общественной жизни, в управлении, как и в обществе. Но, по молчаливому или гласному признанию действующего закона, целая половина населения империи, которого тогда считалось свыше 40 млн душ обоего пола, целая половина этого населения зависела не от закона, а от личного произвола владельца. Следовательно, частные гражданские отношения не были согласованы с основаниями новых государственных учре-

ждений, которые были введены или задуманы. По требованию исторической логики новые государственные учреждения должны были стать на готовую почву новых согласованных гражданских отношений, должны были вырастать из отношений, как следствие вырастает из своих причин. Император и его сотрудники решились вводить новые государственные учреждения раньше, чем будут созданы согласованные с ними гражданские отношения, хотели построить либеральную конституцию в обществе, половина которого находилась в рабстве, т. е. они надеялись добиться последствий раньше причин, которые их производили. Мы знаем и источник этого заблуждения; он заключается в преувеличенном значении, какое тогда придавали формам правления.

Люди тех поколений были уверены, что все части общественных отношений изменятся, все частные вопросы разрешатся, новые нравы водворятся, как только будет осуществлен нарисованный смелой рукой план государственного устройства, т. е. система правительственных учреждений. Они расположены тем более были к такому мнению, что гораздо легче ввести конституцию, чем вести мелкую работу изучения действительности, работу преобразовательную. Первую работу можно начертать в короткое время и позвать славу; результаты второй работы никогда не будут оценены, даже замечены современниками и представляют очень мало пищи для исторического честолюбия.

На той же точке зрения, на какой стояли Александр I и

его сотрудники, стояли и люди 14 декабря; если они о чем размышляли и толковали много, то о тех формах, в какие должен облечься государственный порядок, о той же конституции. Правда, все, что они проектировали определенного и практически исполнимого, все было уже сказано раньше их, в проекте Сперанского. Они касались и частных гражданских отношений, т. е. взаимных отношений лиц и сословий, но их мысли касались этого, как язвы отечества, не зная, как устранить, каким строем отношений заменить действующий общественный порядок. Как сотрудники Александра, так и люди 14 декабря, односторонне увлеченные идеей личной и общественной свободы, совсем не понимали экономических отношений, которые служат почвой для политического порядка. Эта односторонность тех и других, и воспитателей и воспитанников (ибо декабристы были воспитанниками Александра и Сперанского), особенно резко выразилась в вопросе о крепостном праве; как правительство Александра, так и декабристы были в большой уверенности, что стоит дать крестьянам личную свободу, чтобы обеспечить их благоденствие; о материальном их положении, об отношении их к земле, об обеспечении их труда они и не думали или думали очень мало.

Итак, я не приписываю движению 14 декабря ни того значения, ни тех последствий, которые ему приписывают. Но было одно очень важное последствие в истории одного сословия, именно дворянства. До тех пор дворянство было

классом правящим в русском обществе; как мы знаем, такое политическое положение его создано было главным образом участием дворянской гвардии в дворцовых переворотах XVIII в. Движение 14 декабря было последним гвардейским дворцовым переворотом; им кончается политическая роль русского дворянства. Оно еще останется некоторое время при делах, как сословие, будет принимать деятельное участие в областных учреждениях, но оно уже перестанет быть правящим классом. Оно превратится в такое же орудие правительства, в такое же вспомогательное средство бюрократических учреждений, каким оно было в старые времена, в XVII столетии. В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря.

Не только по закону, но и по нравственным средствам дворянство должно было потерять после того прежнее значение. После 14 декабря пошли за Урал лучшие люди сословия, после которых осталось много мест, не занятых в продолжение следующего царствования. Это была потеря, которую было трудно вознаградить и при более обильном запасе нравственных сил сословия. Из него выбыло столько дельцов, которые могли восстановить и усилить политический авторитет сословия, если бы остались в рядах. В следующее царствование дворянство не могло иметь прежнего значения уже потому, что оскудело силами после катастрофы 14 декабря.